

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

ТЕНДЕНЦИИ,
СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИЕ
О ПАДЕНИИ СТАТУСА
НАЦИОНАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

А. В. КОСТИНА
**Национальная
и этническая
культура:
соотношение
в глобализирующемся
мире**

личной политики противостоят новой универсальности и новой неолберальной модели. В ее границах не остается места

Характерно, что дезактуализация национальной культуры, которой отмечены процессы культурного строительства и в России, и в странах ближнего зарубежья и бывшего социалистического лагеря, а также во всех странах, подвергающихся влиянию глобализации, обусловлена, в целом, сходными причинами. Среди них — резкое падение статуса национального государства и снижение его экономической самостоятельности, когда оно начинает ощущать себя некой гиперкорпорацией, все более управляемой законами универсального «глобального рынка». Утрачивающее способность эффективно управлять экономическими процессами на самом разном уровне, национальное государство вынуждено проводить реформы, часто не соответствующие собственным национальным интересам: снижать количество рабочих мест, искусственно уменьшать уровень внутреннего потребления, максимально повышая при этом выпуск продукции на экспорт. Об изменении значимости национального государства, в частности, свидетельствует неспособность сложившихся национальных институтов и инструментов пуб-

ста для национальных институтов власти, которые фактически лишаются суверенитета.

В то же время новый мир демонстрирует фактическую тоталитарность по отношению к «попыткам восстановить государственную индивидуальность, растворяемую в плавильном котле глобализма»¹. Между тем, именно национальное государство оказывается единственно способным создать, поддерживать и осуществлять контроль над этой системой воспроизводства знания и информации, которая осуществляет циркуляцию информации и, по существу, создает то общее пространство, которое именуется национальной культурой. В отличие от этнической культуры, овладение кодами которой осуществляется автоматически в процессе жизнедеятельности, приобщение к ценностям национальной культуры, средоточием которой являются музеи, библиотеки, университеты, театры, возможно только в процессе образования. Прерогатива поддержания образовательной системы принадлежит исключительно государству, которое через образование наделяет властными полномочиями своих граждан. Как отмечает Э. Гелл-

Окончание. Начало в № 3 за 2006 г.

нер, у основания современного социального строя стоит «не палач, а профессор», а основным инструментом и символом современной государственной власти является «не гильотина, а государственная докторская степень»².

О девальвации национального государства и национальной культуры свидетельствует и регионализация в рамках глобальной системы, которая последовательно лишает государство монополии на власть. Сегодня идет процесс активного обособления национально-этнических культур, о чем свидетельствует тот факт, что территориальная целостность и культурное единство национального государства сталкиваются с требованиями отделения и признания политического суверенитета, которые исходят от местных или региональных представителей иных культурных идентичностей. Показатель этого процесса — наличие и политический вес движений деволуционистов, регионалистов и сторонников независимости во многих развитых странах. Великобритания столкнулась с движениями в поддержку независимости в Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсе. Аналогичные мощные движения имеются в Италии (Легга (Legga) Ломбарда), в Испании (движение басков и каталонцев), Канаде (в провинции Квебек), Бельгии (между районами, населенными валлонцами и фламандцами)³.

При этом национальная принадлежность человека утрачивает значимость, более же существенной начинает осознаваться его принадлежность этническая. Соответственно, этническое самосознание, в большой степени связанное с происхождением человека, осознающим свою причастность к общим для членов определенной этнической группы предкам и к общей территории проживания, наделяемой сакральными мифологическими смыслами. Национальное же самосознание определяется степенью причастности человека к тем ценностям, которые являются генеральными и смыслообразующими в рамках культуры и степенью включенности индивида в ее семиотическую систему.

Национальное самосознание, как правило, бывает обусловлено этническим. Однако это вовсе не означает их тождества, характерного для мононациональных государств. У. Коннор отмечает, что уже к началу XVII века понятие «нация» обозначало жителей страны независимо от этнонациональной принадлежности и выступало в качестве синонима таким категориям, как «народ» и «гражданин»⁴. В многонациональных же государствах этническое и национальное самосознание часто не совпадают — в частности, французская национальная культура включает в себя элементы эльзасской, баскской, бретонской, каталонской, фламандской и многих других этнических культур. При этом представители одного государства могут осознавать себя «по крови» и «по культуре» как принадлежащих разным культурным мирам. В глазах же представителей иных национальных культур, они, вне зависимости от принадлежности к определенной этно-национальной группе, воспринимаются как носители той культуры, которая доминирует в рамках национального государства. Именно эти национальные маркеры являются определяющими при совокупном обозначении всех представителей Италии — итальянцами, Америки — американцами, России — русскими. Эта тенденция приводит к существенным семантическим абберрациям самого понятия «нация», применяемого по отношению, к примеру, к американскому народу, который в строгом смысле слова, нацией (сопоставимой с японской, бенгальской или немецкой) не является⁵.

Подобное напряженное противостояние отдельных этнокультурных сообществ отражает утрату того чувства культурного единства, которое всегда было составляющей культурной идентичности европейского менталитета. Более того, сама идея наций и национальной культуры — это идея европейская, которая распространилась в Азии, Африке и на Ближнем Востоке благодаря распространению европейского влияния на мировую систему. Потенциальные возможности этого нового способа социальной ор-

ганизации отразились и на остальном мире, существенно повлияв на интенсивность и силу антиколониальных движений в XX веке. Поэтому вполне естественно, что именно в рамках европейской цивилизации формируется то чувство сопричастности, общей судьбы и духовного родства, которое объединяло различные народы, обладающие этнокультурной спецификой, но подключенных посредством письменности к ценностям более высокого порядка — причем, не общечеловеческим, но общеевропейским.

Как писал Э. Гуссерль, «как бы ни были враждебно настроены по отношению друг к другу европейские нации, у них все равно есть внутреннее родство духа, пропитывающее их всех и преодолевающее национальные различия. Такое своеобразное братство вселяет в нас сознание, что в кругу европейских народов мы находимся “у себя дома”»⁶. Однако, если это ощущение цивилизационного единства было присуще европейцам вплоть до конца 1980-х годов, когда 47% населения европейских стран считали себя преимущественно европейцами, а 41% против 36% полагали, что их страна выигрывает от членства в ЕЭС, то к середине 1990-х гг. 45% признались в том, что в их чувстве национальной принадлежности нет вообще никакой европейской составляющей. Около девяноста же процентов европейцев отметили, что идентифицируют себя, в первую очередь, со своей национально-этнической общиной и со своим регионом⁷, что, безусловно свидетельствует не только наличии, но и доминировании дифференцирующих устремлений.

Еще одной тенденцией, способствующей разрушению национальных культур, является стремительное распространение массовой культуры, которая в процессах глобализации выступает в качестве универсального культурного проекта. Она становится механизмом культурной экспансии и (если учитывать политическое и экономическое лидерство США) американизации культуры. Потребляемая повсеместно, эта космополитичная культура проникает сквозь государ-

ственные границы, нивелирует национальные особенности и создает культуру гомогенную, массовую, доступную всем и принимаемую всеми, претендующую на роль универсальной культуры эпохи глобализации. Вместе с культурой распространяются и ценности западной цивилизации и ее мировоззренческая программа, основу которой составляет философия позитивизма и прагматизма с ее принципами инструментализма и операционализма. В основе этой мировоззренческой программы лежит целесообразная деятельность в качестве определяющей стратегии, инструментальность ценности разума, служащего реализации тактики достижения успеха и признания, отказ от постижения основ бытия в пользу отработки методов разрешения проблемных ситуаций, позволяющих наиболее эффективно адаптироваться к изменяющимся социальным условиям, восприятие истины в качестве относительной субстанции, подчиняющейся интересам настоящего момента, рациональная этика, нацеленная согласно принципу «мелиоризма», на постепенное улучшение социального организма, наконец, ориентация не на духовное содержание личности, а на ее интересы и потребности.

Свидетельством падения значения национальной культуры является и разрушение национальной, политической, религиозной и культурной идентичности, когда человек теряет способность сопоставлять свой образ мира с общепринятым в рамках этноса, нации, государства, класса или любой иной общности. Разрушение национальной идентичности приводит к формированию новых идентичностей, основанных на иных принципах самоидентификации. Так, если в 60-е годы М. Маклюэн предсказывал объединение человечества при помощи средств массовой коммуникации в «глобальную деревню», то практика показывает, что сегодня возрастает количество новых интегрирующих социальных структур. Примером последних является «деревня фанк», исследованная шведскими авторами К. А. Нордстремом и Й. Риддерстрале. Это — эмоциональное

сообщество новых интеллектуалов, основанное на единстве интересов, жизненных позиций или профессиональных знаний, то есть, единстве биографии, существующее в сетевом пространстве.

Если говорить о политико-культурной идентичности, то в послевоенный период (и до распада СССР) в развитых капиталистических странах она характеризовалась идеей «свободного Запада», в странах «второго мира» — в терминах социализма, в странах «третьего мира» — в терминах «развития». Сегодня разрушенная в эпоху холодной войны политико-культурная идентичность, как отмечает Н. Стивенсон, замещается феноменом так называемого «культурного гражданства», основанного на общности потребления. Сегодня гражданство оказывается в меньшей степени связанным с формальными правами и обязанностями, и в большей — с потреблением экзотических продуктов, голливудских фильмов, популярной музыки или австралийских вин, а исключение из потребления этих продуктов означает исключение из гражданства в западном обществе. О том, что одним из наиболее мощных факторов формирования культурной идентичности является потребление, свидетельствуют Э. Озбудун и Е. Ф. Кейман, изучающие различные аспекты влияния глобализации на современное турецкое общество. Авторы отмечают, что, несмотря на существенные различия между социальными группами, подходы к потреблению у них идентичны, и значительное увеличение людей, усвоивших эти модели потребления, повлекло за собой «макдональдизацию турецкого общества»⁸.

Что касается религиозной идентичности, то здесь можно выделить две тенденции. Как считает Р. Селлерс, в рамках первой рационализация и технологизация мира сопрягаются с ростом религиозности. Вторая тенденция — это явление религиозного синкретизма, стремление посещать более чем одну церковь (так, в Северной Америке — это 9% американцев). Откликаясь на эти потребности, многие церковные общины используют

в своих обрядах сочетание традиций индейских племен, буддистской терпимости ко всем формам жизни, католической веры в ангелов, приверженности мормонов идее общей семьи, ритуалов лютеранской церкви. Наиболее ярким примером подобного синкретизма, как считает автор, — движение приверженцев «Нового Века». Здесь принципиальным представляется тот факт, что возрождение в современную эпоху религиозного сознания, пребывающего в сумеречном состоянии с XVIII века, происходит именно в названных формах. В них проявляется стремление обратиться не к тем религиозным системам, которые формируют социокультурные общности, подобные нациям (каковой была христианская цивилизация эпохи Средневековья) и которые способны объединять людей разных этносов («от элинов до иудеев»), но к различным неформальным движениям, религиозным братствам и общинам, представляющим варианты официальной религиозной доктрины, а также к языческим культам. Важно то, что эти религиозные движения функционируют по типу субкультурных образований, направленных на поддержание собственной идентичности, осуществляемой, как правило, посредством вытеснения из сознания его членов чувства общности — причем, не только религиозной, но и культурной⁹.

Наконец, о значительном снижении значимости национальной культуры свидетельствует существенная трансформация национальной специфики мышления под влиянием унифицированного английского языка, который сегодня выступает как условие распространения универсального образа жизни. Английским языком пользуются сегодня в качестве средства общения около 1,5 млрд людей, на английском во всемирной компьютерной сети хранится более 90% всей информации, большинство компьютерных программ и инструкций к ним написаны на английском, английский становится языком мировых технических и научных периодических изданий, языком электроники, медицины и космических технологий. Сегодня, как

отмечает Э. Гидденс, мы все хотя и живем локально, но говорим на глобальном языке.

Казалось бы, распространение единого языка, которым пользуются представители всех культур, является положительным интегрирующим фактором. Действительно, поиск того единства, тех культурных смыслов, которые не разъединяют, а объединяют людей, был характерен уже для культуры ранних городских цивилизаций (III–II тысячелетий до н. э.), которые явно демонстрировали стремление к преодолению локальности этнической культуры. Цивилизации, возникающие и существующие как совокупность больших и малых народов, исповедующих единую религию и подчиняющихся единым законам, первыми были вынуждены находить достаточные основания для идентификации этих народов как единого целого. Подобным, достаточно мощным, интегрирующим фактором стал язык, причем закрепленный письменно. Именно изобретение нового — письменного — способа передачи информации, позволяющего фиксировать значительные объемы информации и обеспечивающего циркуляцию ценностей, смыслов и значений в рамках данной культуры, стало первым шагом к интеграции культур. Первоначально этим единым языком была латынь, посредством которого распространялись в среде европейской элиты некие общие духовные смыслы и основания.

Возникновение первых книжных рынков в Европе, которые ориентировались в эпоху Реформации на простых людей, приобщенных к грамоте (то есть к национальному языку), стало одним из начальных шагов к формированию национального самосознания. В 1520–1540 гг. на немецком языке было опубликовано в три раза больше, чем за предыдущие двадцать лет, а в 1522–1546 гг. вышло 430 изданий перевода Библии, осуществленного Лютером. Эта религиозная пропагандистская война была выиграна протестантизмом, прежде всего, потому, что он использовал создаваемый капитализмом книжный рынок, чего не могла сделать контрреформация, защищавшая латынь.

Этот рынок создал новую общность, включающую читающую публику, не знающую латыни, а потому, предельно демократичную и предельно широкую, а печатные языки заложили основу национального сознания¹⁰. Они, как точно отмечает Б. Андерсон, создали унифицированные поля обмена и коммуникаций (менее обширные, чем на латыни, но более широкие, чем на разговорных диалектах), образовавшие зародыш национально-воображаемого общества; они, будучи фиксированными, перестали подвергаться «индивидуализирующим и неосознанно модернизирующим» трансформациям монастырскими переписчиками и помогли создать образ древности, «имеющий центральное значение для представления о нации»; наконец, национальные языки стали языками власти, отличными от прежних административных наречий¹¹.

Сегодня же распространение английского языка и создание на его базе многих промежуточных языковых явлений, подобных Дэнглишу в Германии или Синглишу в Сингапуре, разрушает национальные культуры, так как аннулирует корни национального сознания, коренящиеся в языке. Ведь язык выступает не только как знаковая система, не только как образ языковой реальности, но, прежде всего, как реальность, не сводимая к речи, как целая совокупность представлений и ценностей, скрепленная единой картиной мира. В этом смысле язык является смысловым и ценностным фондом культуры, мощным общественным орудием, формирующим через хранение и трансляцию культуры, традиций и общественного самосознания основы данного речевого коллектива, этноса и нации. Любой язык основывается на целом пласте познавательных, нормативных и эмоциональных коннотаций. Каждая культура обладает собственным вербальным арсеналом, где понимание происходит, в первую очередь, на уровне интонации и всего комплекса выразительных средств.

Само же слово функционирует наиболее оптимальным способом исключительно в определенном языковом контексте, вскрываю-

шем все оттенки его значений, и выступает как исторически обусловленное, где за каждым из них выступает весь образ жизни данного народа с его ценностными приоритетами, его менталитет, национальный характер, традиции, обычаи, мироощущение и видение мира. И разрушение национального языка неизбежно ведет к разрушению национальной культуры, что прекрасно осознают правительства некоторых стран, которые пытаются ограничить влияние английского языка. Так, во Франции в 1994 г. был принят закон, ограничивающий употребление американизмов во французском языке, в Польше предприниматели платят дополнительный налог в случае использования иностранных слов в названии фирмы¹². К стати, этот процесс характерен не только для тех стран, которые испытывают нивелирующее влияние английского языка на собственную языковую среду, но и для тех стран, где английский является государственным языком. К примеру, в Америке, где в некоторых школах в качестве основного языка преподаются языки, являющиеся языком этнического большинства.

* * *

Итак, сегодня достаточно ярко проявляются две противоположные, но взаимосвязанные тенденции — резкое падение статуса национальной культуры и своеобразное возрождение и активизация национально-этнических культур. Поскольку национальные культуры обладают достаточно универсальными информационными и символическими составляющими, они имеют возможность легче находить то общее пространство и те общие смыслы, которые позволяют им осуществлять коммуникацию. Конечно, говоря о том, что национальная культура является мощным консолидирующим фактором, нельзя не учитывать точку зрения некоторых исследователей (среди них своими достаточно резкими взглядами выделяется М. Шадсон), которые рассматривают культуру как «наиболее сомнительную силу» социальной интеграции¹³.

Признавая способность современного национального государства обеспечивать интеграцию своих граждан и обеспечивать их лояльность через формирование определенной политики в области языка, через институты образования и воспитания, через создание и поддержание форм массовых ритуалов и символов, через контроль над средствами массовой коммуникации, автор в то же время отмечает, что нет никакой причины рассматривать социокультурную интеграцию как первичную по отношению к таким процессам, определяющим целостность общественной группы, как политическое упорядочивание или социальная координация. При этом необходимо осознавать, что политический строй базируется преимущественно на организации и силе, социальная координация — на рыночно-товарных отношениях и межличностном взаимодействии, а социокультурная общность — на общественных связях, ориентированных на общие культурные обычаи, роли и символы¹⁴. Возможно, более объективным является подход, позволяющий рассматривать различные пути подобной интеграции как альтернативные, определяемые уровнем культурного взаимопонимания и доминирующих традиций.

Однако вне зависимости от оценки роли национальной культуры в формировании современных общественных систем, объективно, она обладает несравненно большим интегрирующим потенциалом, чем этническая культура. По мнению М. Шадсона, ссылающегося на Э. Геллнера, распространение государством высокой специализированной культуры от центра к относительно изолированным местным очагам народной культуры, находящимся на периферии, носящее характер императива, является наиболее универсальным способом создания национального единства, что позволяет трактовать этот процесс «навязывания» как национализм¹⁵. Те же процессы, которые обозначаются термином «национализм»¹⁶ сегодня, выступают в качестве не более чем «эмоционального придатка к первородным на-

родным символам и ценностям» и свидетельствуют не об активизации национально-формирующих факторов, а о возрождении этнического самосознания и актуализации этнической культуры. Именно поэтому некоторые авторы предлагают национализм именовать более точно как «этнонационализм», наиболее мощными катализаторами которого сегодня являются не процессы экономической депривации, а религия, раса и язык (причем, не национальный язык, идентифицируемый с угнетающим большинством, а язык доминирующего этноса)¹⁷.

Итак, коммуникация и диалог имманентны нации — внутри общества, как отмечает И. Г. Яковенко, они необходимы для формулирования собственной «концепции интересов», между государствами — для «взаимовязывания концепций интересов»¹⁸. Актуализация же — часто искусственная — этнических основ лишает национальную культуру способности вести диалог на тех основаниях, которые учитывают этническую специфику, но придают ей новый стимул к развитию, адекватному требованиям современности. Возможно, у человека будущего, живущего в мире интенсивных межкультурных коммуникаций, мобильности, миграции, торговли, инвестиций и туризма, которые способствуют большему пониманию культурных различий, а, соответственно, предполагает требования равенства в единой, но многообразной вселенной¹⁹, исчезнет национальное самосознание, как это прогнозирует защитник концепции мондиализма Жак Аттали. В своем футурологическом эссе «На пороге нового тысячелетия» автор говорит о том, что у «человека безнационального» впервые не будет адреса, а «чувство привязанности к одному месту, которое рождало все культуры в прошлом, превратится лишь в слабое, достойное сожаления воспоминание»²⁰.

Однако современная социокультурная практика показывает, что формирование этого «человека безнационального» сопровождается явными процессами возрождения «человека этнического».

¹ Неклесса А. И. Конец цивилизации, или зигзаг истории // Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира. М., 2002. С. 116.

² Геллнер Э. Указ. соч. С. 92–94.

³ См.: Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э, Перратон Д. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / пер. с англ. В. В. Сапова и др. М., 2004. С. 439.

⁴ Connor W. Ethnonationalism. The Quest for Understanding. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. (Ch. 4. Terminological Chaos. P. 89–117. — Originally published as «A Nation, Is a State, Is a Ethnic Group, Is a...» // *Ethnic and Racial Studies*, 1 (Oct. 1978). P. 377–400).

⁵ Здесь нельзя не согласиться с У. Коннором, который заявляет, что «кем бы ни был американский народ... он не нация в первоначальном смысле этого слова» (См.: Connor W. Op. cit. P. 89).

⁶ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 302.

⁷ Reif K. Cultural convergence and cultural diversity as factors in European identity. Garcia, 1993.

⁸ Озбудун Э., Кейман Е. Фуат. Культурная глобализация в Турции. Актеры, дискурсы, стратегии // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М., 2004. С. 336.

⁹ Осознавая существование религии как одной из форм культуры, включаемой в культурное целое, представляется необходимым подчеркнуть различие специфики этой общности, существующей как идеальный конструкт, где идентификация религиозная имеет существенное отличие от идентификации культурной.

¹⁰ Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.: Verso, 1983. P. 47.

¹¹ Ibid. P. 48.

¹² Мельник Ю. В. Языковая глобализация // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003. С. 1304.

¹³ Шадсон М. Культура и интеграция национальных обществ // *Международный журнал социальных наук*. 1994. № 33 (6). Август. С. 82.

¹⁴ Там же. С. 83.

¹⁵ Там же. С. 89.

¹⁶ Признавая современные наиболее распространенные интерпретации национализма, среди которых доминируют следующие: его восприятие в качестве романтического движения, связанного с объединением Германии и Италии и экспортированного в Азию и Африку европейским колониализмом; его трактовка в качестве ответной политической реакции на колониализм в обществах с разрушенными внешним колониализмом традиционными формами социальной организации; его понимание как следствия неравномерного развития капитализма, порождающего неравенство между отдельными регионами (см.: Abercrombie N., Hill S., Turner B. S. *The Penguin Dictionary of Social Sciences* / 2nd ed. L.: Penguin Books, 1988.

Р. 162), вместе с тем, хотелось бы подчеркнуть социально-политический характер этих концепций. В рамках же культурологической парадигмы представляется целесообразным акцентировать именно культурную составляющую этих процессов.

¹⁷ См.: Connor W. *Op. cit.* P. 89; Abercrombie N., Hill S., Turner B. S. *Op. cit.* P. 163; Riggs F. F. *Ethnonationalism, Industrialism and the Modern State* // *Third World quarterly*. Vol. 15. №4. 1994. P. 597-601.

¹⁸ Яковенко И. Г. От империи к национальному государству (попытка концептуализации процесса) // *Полис*. 1996. №6. С. 120.

¹⁹ Nederveen Pieterse, J. *Op. cit.* P. 1389-1393.

²⁰ Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1990. С. 105.